

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 821.512.36

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-3-56-61

СКАЗКА ИЛИ ПОЭМА-СКАЗКА?: О ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТЕКСТОВ А. ТАЙВА И НА. УЗМЕ

© *Бичеев Баазр Александрович*

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Калмыцкий научный центр РАН

Россия, 358000, г. Элиста, ул. Илишкина, 8

E-mail: baazr@mail.ru

В статье рассматривается жанровая принадлежность двух поэтических произведений, опубликованных в сборниках народных сказок как образцы богатырских текстов. Оба текста относятся к вариантам широко известного в устном бытовании у монгольских народов прозапоэтического произведения литературы «ясного письма», созданного на основе сказочного мотива «злая мачеха». При знакомстве с биографией подготовивших их к публикации исследователей — А. Тайва и На. Узме, выяснилось, что оба автора являются профессиональными литераторами. Представленные ими к публикации произведения не являются фольклорными в чистом виде. Они представляют собой литературные поэмы-сказки с характерными для таких произведений особенностями, которые были созданы на основе существующих устных и письменных вариантов произведения.

Ключевые слова: устный вариант; сказочный сюжет; авторское произведение; поэма-сказка.

На протяжении XVIII–XIX вв. рукописные списки «Истории Унэкер Торлику-хана» («*Ünekēr Törölkütü xāni tuujǎ orošibo*») и его устные варианты были широко распространены в литературе и фольклоре калмыков России, ойратов Монголии и Китая. Популярность произведения способствовала тому, что оно оказалось в числе первых текстов калмыцкой литературы, переведенных на один из европейских языков в начале XIX вв. [1]. В силу многочисленности списков в известных коллекциях монгольских рукописей сохранилось десять текстов на «ясном письме» [2; 3; 4; 5].

«Истории Унэкер Торлику-хана» — это прозапоэтическое повествование особого вида буддийской литературы, в котором на основе сказочного мотива «злая мачеха» рассказывается об одном из прошлых перерождений бодхисаттвы Авалокитешвары. Такие тексты представляли собой одну из форм проповеди буддийского учения, а их популярность способствовала появлению устных версий.

В конце XIX — начале XX в. были осуществлены наиболее ранние записи устных вариантов произведения. В 1879 г. Г. Н. Потанин записал сказку «Аю Чикту хан» у сказителя Баин-Цагана, дербета ханского хошуна Западной Монголии и опубликовал ее русский пересказ [6]. У волжских калмыков запись текста была сделана в 1904 г. финским ученым Г. Й. Рамстедом в Малодербетовском улусе и опубликована на языке оригинала и в немецком переводе [7]. В 1909 г.

А. П. Беннигсен записал у одного торгута из Карашара «Сказку об Онохор-Турлектэ хане» и опубликовал ее русский пересказ [8].

Наиболее многочисленные варианты этой сказки зафиксированы у ойратов Китая во второй половине XX в. Двенадцать из них опубликованы в различных фольклорных сборниках. Среди синьцзянских ойратов текст известен под разными названиями — «*Үнңкү Төрлктэ-хан*», «*Үмкэ Төрлктэ-хан*», «*Ою Чикн Авха Цецгин үлгүр*», «*Ик Терги хан*» и др. [9].

Сюжет русского пересказа сказки, опубликованной А. П. Беннигсенем, идентичен письменному тексту. Имена персонажей сказки, несмотря на их русифицированную передачу, совпадают с именами персонажей письменного произведения. Лишь в этой сказке сохранился присутствующий только в письменной версии эпизод с вещим сном жены героя повествования, в котором она видит, что «муж ее едет назад, держа в руке завядший цветок, к хвосту же его лошади привязана гора Очир-Халбыр-Ула». Сестра героя разгадывает сон как благополучную весть о том, что «завядший цветок — это отец, которого наш Уйчихыт везет домой, а гора, привязанная к хвосту лошади, означает, что весь народ наш следует за ним» [8, с. 67–68].

В структуре письменных и устных вариантов произведения лежит единая цепь событий, состоящая из восьми сюжетных звеньев сказочного мотива «злая мачеха»: 1. *Смерть жены хана* — 2. *Женитьба хана на девушке-ведьме* — 3. *Мнимая болезнь мачехи-ведьмы* — 4. *Бегство детей в другую страну* — 5. *Трудный путь* — 6. *Взросление детей на чужбине* — 7. *Возвращение в страну и убийство мачехи-ведьмы* — 8. *Освобождение отца и подданных*.

Синьцзянские сказки, записанные более чем столетие спустя после записи А. П. Беннигсена, содержат все восемь сюжетных элементов. Творческая фантазия сказителей находит выражение в развернутой экспозиции и в интерпретации сюжетных звеньев «*Смерть жены хана*», «*Женитьба хана на ведьме-шулмуске*. При этом большая часть сказок по своему содержанию близка письменной версии, но отличается образностью языка, насыщенностью типичными для фольклорных произведений формулами.

Среди опубликованного материала наибольший интерес представляют две поэтические версии этого произведения. Первый текст — это стихотворная сказка «*Үнңкр Төрлгч сэн хан*», которую подготовил к печати известный исследователь фольклора синьцзянских ойратов, писатель, переводчик и журналист А. Тайва (1928–1995). В 1944 г. он окончил учительские курсы в г. Урумчи. По окончании учебы был призван в армию. Затем работал учителем в сельской местности. После образования Синьцзян-Уйгурского автономного района был призван на работу в органы управления регионом. В 1955 г. был направлен на учебу в Центральный институт национальностей (г. Пекин). После учебы работал на разных должностях и параллельно занимался творческой деятельностью. Много времени уделял сбору, публикации и исследованию родного фольклора. Он автор двух романов, семи повестей, стихов и рассказов, переводчик произведений китайской, казахской и уйгурской литератур.

Известно, что А. Тайва опубликовал прозаический текст этой сказки в 1981 г. в ж. «*Өрүн цолмон*» [10]. Рукопись стихотворного текста «*Үнңкр Төрлгч сэн хан*» была опубликована в сборнике «*Һаң Хар Тевг*» как образец богатырской сказки. Зная творческое дарование А. Тайва, вполне естественно возникает вопрос об аутентичности текста. По свидетельству профессора Синьцзянского государ-

ственного университета Ц. Бату, который готовил сборник богатырских сказок «*Һаң Хар Тевг*» к изданию, текст был передан ему как фольклорный материал [11].

Сказка открывается обширным прологом, насчитывающим около 80 строк. В нем, подобно прологу эпических сказаний, воспевается страна благоденствия Ой-Джиргаланг, которой правит Унэкер Торлегчи-хан. Восхваляется город Авхубалгасун и дворец хана. Возносятся его царственная супруга Буян Ооджиркухатун и их дети — сын Ою Чикен и дочь Эрдени Авха Цэцек. Для устных вариантов синьцзянских сказок развернутая экспозиция — вполне естественный элемент структуры.

Развязка сюжетного звена «*Смерть жены хана*», как и в письменном варианте, начинается со сборища пятисот ведьм-шулмусок, на котором они решают уничтожить благоденствующее государство Унэкер Торлегчи-хана. Одни из ведьм-шулмусок указывают, что пока в полном здравии находится старший чиновник Аянган-тушимел, совершенный в сотворении чудес, и пока жива Буян Ооджиркухатун, безошибочно определяющая всякую нечистую силу, все их усилия тщетны. Другие высказывают опасение, что если сейчас не предпринять решительных мер, то царевич Ою Чикен достигнув девятнадцати лет, станет грозным гением-хранителем, а Эрдени Авха Цэцек в двадцатилетнем возрасте — перерождением Будды Майтрейи [9, с. 236].

В это время не допущенная на сборище самая младшая и зловредная из ведьм-шулмусок, подслушав мнение старших сестер, издевательски хохочет над ними. Разгневанные сестры силой приводят ее на шабаш, где она обещает самостоятельно решить этот вопрос и предлагает им поделиться с ней злыми чарами. Сестры, согласившись с ней, отправляют ее в страну хана. Под видом бродячего монаха-бадарчина она проникает в город и насылает смертельную болезнь на жену хана.

Содержание пролога и первого сюжетного звена сказки показывает, что перед нами не фольклорный текст, а авторское произведение. Такие эпизоды, как изгнание и возвращение младшей из ведьм на сборище, отъезд старшего чиновника к Арши-ламе для разъяснения вещего сна о предстоящем явлении в страну нечистой силы, сокрытие от детей смерти матери указывают на творческую доработку сюжета сказки. В содержании известных устных вариантов сказки таких эпизодов нет.

Второе сюжетное звено «*Женитьба хана на ведьме-шулмуске*» начинается с того, что умертвив дочь ханского пастуха, ведьма-шулмуска вселяется в ее тело и превращается в красавицу. Чиновники, отправленные на поиски новой жены для хана, докладывают ему о ней. Хан женится на девушке-шулмуске несмотря на предостережение старшего чиновника Аянган-тушимела. В этом эпизоде у А. Тайвы появляется персонаж предсказателя Цаган-тушимела, стараниями которого хан женится на девушке-шулмуске.

В третьем сюжетном звене «*Мнимая болезнь мачехи-ведьмы*» в письменном варианте произведения звучит буддийское наставление о невозможности вечности всего сущего и неизбежности смерти. Это наставление отсутствует в устных вариантах, а в письменном тексте оно повторяется дважды. Сначала оно звучит из уст супруги Унэкер Торлиktу-хана, а затем его произносит мачеха-ведьма перед своей мнимой смертью, что логически вполне оправданно, поскольку ей необходимо убедить хана и его окружение в своей благочестивости.

В сказке А. Тайвы это наставление обретает форму народного представления о неизбежности смерти. Мачеха-ведьма говорит хану, что вскоре она отправится вслед за посланцем-эрликом к дверям владыки страны смерти Эрлик-хана. Она просит хана принять обеты мирянина, поклоняться Трем драгоценностям и Белому старцу [9, с. 256].

Авторское начало проявляется в тексте А. Тайвы и в содержании звена «*Бегство детей в другую страну*». При расставании со старшим чиновником Аянган-тушимелом девятилетний царевич плачет, не желая расставаться с ним. Поскольку уговоры не действуют на мальчика, то его старшая сестра решительно приводит его в чувство отрезвляющей пощечиной. Такая развязка сложившейся ситуации вообще не характерна для фольклорных произведений.

Таким образом, можно предположить, что А. Тайва будучи хорошо знакомым с письменными и устными вариантами произведения, сохранив внутреннюю структуру сюжетных звеньев, творчески интерпретировав их содержание, создал отличное от письменной и устной версий произведение в форме литературной сказки.

Второй стихотворный текст «*Унңку Төрлкт хан*» опубликовала На. Узме — известная в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР поэтесса ойратского происхождения, автор нескольких поэтических сборников. Сказка «*Унңку Төрлктү хан*» была записана ею в 1980 г., а опубликована в 2006 г. в сборнике «*Арвн тавта Арл Мергн*» [12]. Этот сборник полностью составлен из репертуара ее матери известной сказительницы Ч. Сайинда (1924 г. р.).

Повествование открывается обширным прологом из 117 строк. По форме и содержанию он больше соотносится с прологами архаических тууль-улигеров, в отличие от пролога в произведении А. Тайва, тяготеющего к эпическим сказаниям поздней формации.

Первое сюжетное звено «*Смерть жены хана*» начинается не со собрания ведьм-шулмусок, а с того, что Ургамал Цэцек-хатун предупреждает хана о намерениях девяноста девяти ведьм нанести вред стране. Хан успокаивает супругу, уверяя ее в том, что никто не решится напасть на страну, пока он находится у власти [9, с. 187–188].

Девяноста девять ведьм отправляют самую младшую ведьму Ягца-бирмин в страну хана. Обернувшись ядовитой змеей, она жалит за пятку Ургамал Цэцек-хатун. В тексте На. Узме отсутствует эпизод наставления умирающей супруги хана. Вместо этого в тексте смерть царевны уподобляется развязавшемуся узлу, скреплявшему небо и землю, разрыву духовной связи между ханом и небом и т. д.

Традиционно в письменных и устных версиях переход от сюжетного звена «*смерть жены хана*» к следующему звену «*женитьба хана на ведьме-шулмуске*» связан с поиском новой жены для хана, которую чиновники-тушимелы обнаруживают в доме пастуха коров (яков) хана. В произведении На. Узме встреча хана с девушкой-шулмуской происходит во время охоты на оленя. Хан, погнавшись за добычей, скрывается в лесу. Чиновники, сопровождавшие хана, застают его с красавицей-ведьмой, которая утоляла жажду хана заговоренным ею молочным напитком [9, с. 191].

Все приведенные выше художественные приемы в тексте сказки являются результатом творческой работы На. Узме. Если она и записала какой-то вари-

ант сказки в стихотворной форме от своей матери, то не вызывает сомнения, что подвергла ее литературной обработке.

Таким образом, мы должны признать, что оба текста представляют собой литературные поэмы-сказки. При сопоставлении данного стихотворного текста с поэмой-сказкой А. Тайва, видно, что это два разных произведения, использующие один сказочный сюжет. Оба произведения написаны богатым фольклорным языком с использованием традиционных для устного творчества эпитетов и оборотов. Однако, несмотря на старание авторов максимально приблизить составленные ими тексты к форме устной сказке, в них сохранилось авторское начало.

Литература

1. Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803. Vierter Teil. Riga: den S. J. G. Hartmann, 1804. С. 13–180.
2. Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. I. — М.: Наука, 1988. — 507 с.
3. Uspensky V. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library / Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. XV, 530 p. Pt. 2 (Indexes), 2000. — 186 p. + One-volume edition: 2001.
4. Gerelmaa G. Brief Catalogy of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature bu Gerelmaa Guruuchin. Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод үсгийн номын товч бүртгэл. — Ulaanbaatar, 2005. — 270 p.
5. Galdan Do. Ünenгер Төрөлкетү sayin хауан-у тууји оросиба / Šinjiyang-un arada-un keblel-un хори-а, 2013. — 296 х.
6. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского географического общества Г. Н. Потаниным. Вып. IV. — СПб.: Типография В. Киршбаума, 1883. — С. 283–285.
7. Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen / G. J. Ramstedt. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 2008. — P. 211–237.
8. Беннигсен А. П. Легенды и сказки Центральной Азии, собранные графом А. П. Беннигсен. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912. — С. 57–68.
9. Бичеев Б. А., Дамринджав Б. Устная версия «Истории Унекер Торлику хана» / исслед., пер. с монг., коммент. Б. А. Бичеева и Б. Дамринджав. — Элиста; Пекин: КалмНЦ РАН, 2017. — 314 с.
10. Tayibai A. Ünenгер төрөлөгчи sayin хан // Öriyin colmon. 1981. — № 4–6. — X. 51–61.
11. Gang Xara Tebege. Šinjiyang-giyin aradiyin keblel-yin xoro, 1986. — С. 162–293.
12. Üjüme Na. Arban tabutai Aral Mergen. Begejing: Sinjiyang-un arad-un keblel-un хори-а, 2006. — С. 253–307.

TALE OR POEM-TALE: ON GENRE AFFILIATION OF TEXTS BY A. TAIVA AND NA. UZME

Baazr A. Bicheev

Dr. Sci. (Philos.), leading researcher
The Kalmyk Scientific Center of RAS
8 Pishkin St., Elista 358000, Russia

The article reviews the genre affiliation of two poetic works published in collections of folk tales as examples of heroic texts. Both texts refer to versions of the “clear letter” literature, widely known in oral existence in Mongolian prose-poetic literature, created on the basis of the fabulous “evil stepmother” motif. When meeting with the biography of the researchers who prepared them for publication, A. Taiwa and Na. Uzme, it turned out that both authors are professional writers. The works submitted by them for publication are not pure folklore. They are literary poems with fairy tales characteristic of such works, which were created on the basis of existing oral and written versions of the work.

Keywords: oral version; fairy tale; author's work; fairy tale poem.